

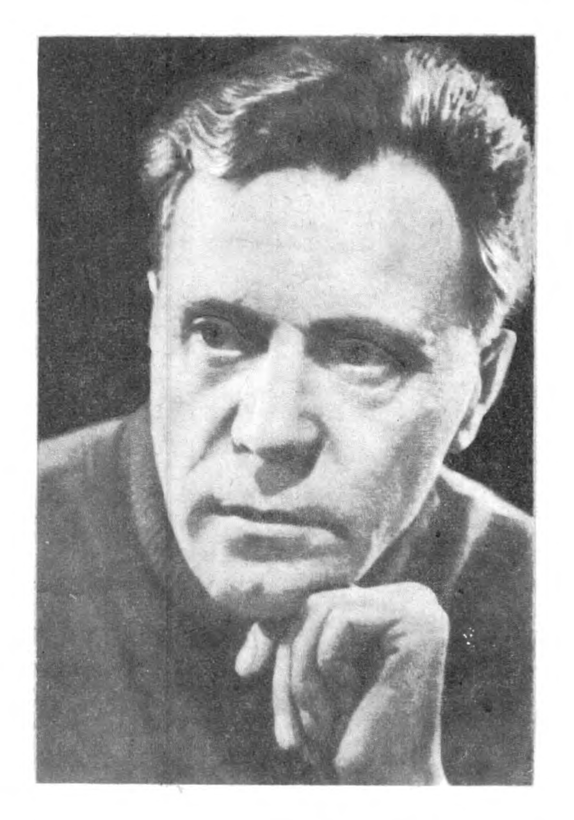
ВИКТОР АСТАФЬЕВ

СТРИЖОНОК СКРИП

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ВИКТОР АСТАФЬЕВ

Стрижонок Скрип

РАССКАЗЫ

Рисунки В. Симонова

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1974

Р2
А-91

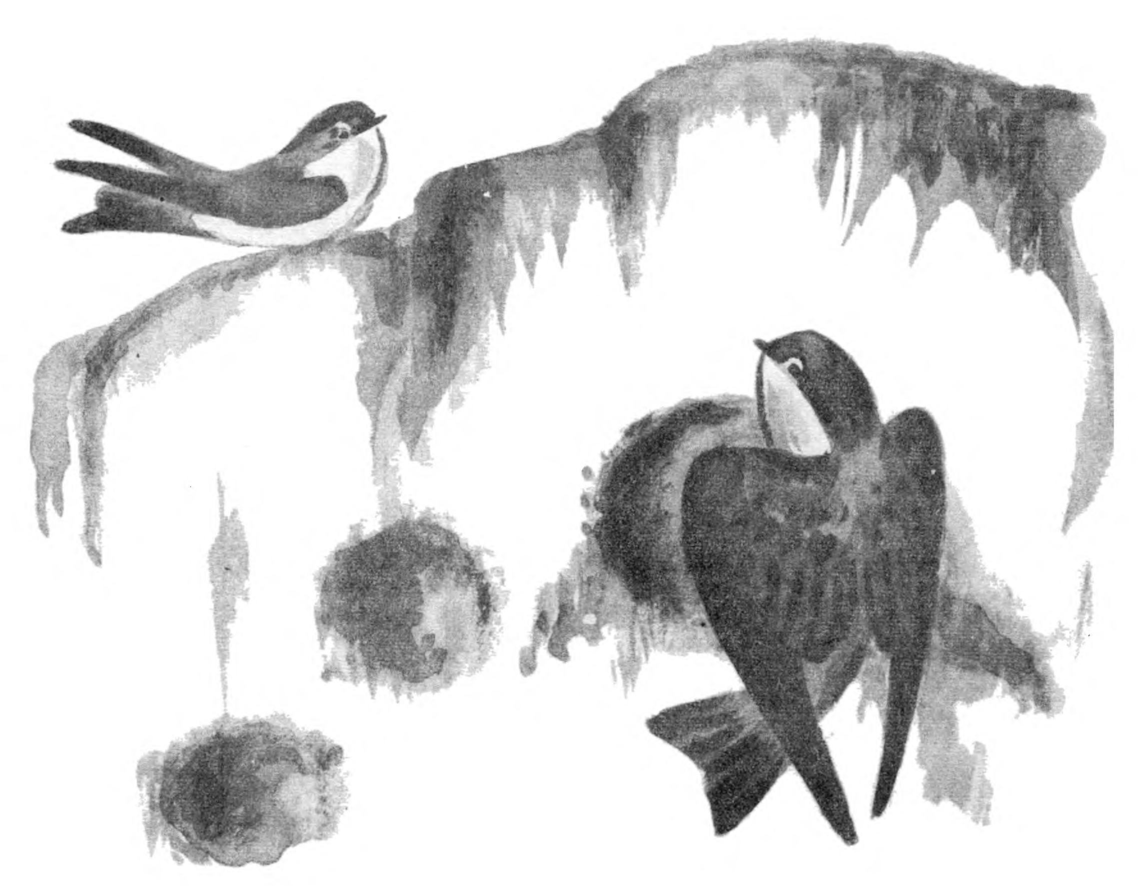
Птицы живут повсюду и часто так привычны, что люди их почти не замечают; более того, людям, особенно ребятишкам, кажется, что жизнь птичья совершенно беззаботная, полна сплошного счастья, а между тем птицы — это едва ли не самые бесстрашные и великие труженики на земле. Только вот труд их и жизнь незаметны; очень уж ненадоедливы, скромны птицы, и оттого обижают их иногда люди, особенно ребятишки: разоряют гнёзда, крадут яйца, а то и птенцов ради потехи.

В этой книжке я вспомнил и рассказал всего лишь о трёх разных птицах, а их только в нашей стране вьют гнёзда тысячи. Присмотритесь к их жизни внимательней, ребята, и вы узнаете, какой это весёлый, приветливый народ — птицы, и, я уверен, зимой, в стужу, вам непременно захочется помочь им — покормить крошками хлеба, крупкой — это так нетрудно сделать и так приятно.

В городе, в деревне ли проснулся ты рано утром, мой маленький читатель, только открыл глаза, только начал слышать мир, а за окном звонкое, чистое: «вить-витю-витю», — это маленькая хлопотунья чечевица приветствует тебя, а дальше зорянка, зяблик, ласточка, щегол, овсянка — и все они тебе рады-прерады. Порадуйся и ты им, полюби их ответно, ведь без них онемела бы наша земля и жизнь на ней сделалась бы скучной.

Автор

А $\frac{70802-572}{М101(03)74}$ 243—74

СТРИЖОНОК СКРИП

Стрижонок вылупился из яичка в тёмной норке и удивлённо пискнул. Ничего не было видно. Лишь далеко-далеко тускло мерцало пятнышко света. Стрижонок испугался этого света, плотнее приник к тёплой и мягкой маме-стрижихе. Она прижала его крылышком к себе. Он задремал, угревшись под крылом. Где-то шёл дождь, падали одна за другой капли. И стрижонку казалось, что это мама-стрижиха стучит клювом по скорлупке яйца. Она так же стучала, перед тем как выпустить его наружу.

Стрижонок проснулся оттого, что ему ста-

ло холодно. Он пошевелился и услышал, как вокруг него завозились и запищали голенькие стрижата, которых мама-стрижиха тоже выклевала из яиц.

А самой мамы не было.

— Скрип! — позвал её стрижонок.

— Скрип! Скрип! Скрип! — повторили за ним братья и сёстры.

Видно, всем понравилось, что они научились звать маму, и они громче и дружней запищали:

— Скрип! Скрип! Скрип!

И тут далёкое пятнышко света потухло. Стрижата притихли.

— Скрип! — послышалось издалека.

«Так это же мама прилетела!» — догадались стрижата и запищали веселей.

Мама принесла в клюве капельку дождя и отдала её Скрипу — первому стрижонку.

Какая это была вкусная капля! Стрижонок Скрип проглотил её и пожалел, что капля такая маленькая.

— Скрип! — сказал он. Ещё, мол, хочу.

— Скрип-скрип! — радостно ответила мама-стрижиха. Сейчас, дескать, сейчас.

И опять её не стало. И опять стрижата тоскливо запищали. А первый стрижонок кричал громче всех. Ему очень уж понравилось, как мама-стрижиха поила его из клюва.

И когда снова закрылся свет вдали, он что было духу закричал: «Скрип!» — и даже полез навстречу маме. Но тут же был отки-

нут крылом на место, да так бесцеремонно, что чуть было кверху лапками не опрокинулся. И каплю вторую мама-стрижиха отдала не ему, а другому стрижонку.

Обидно. Примолк стрижонок Скрип, рассердился на маму и братьев с сестрёнками, которые тоже, оказывается, хотели пить. Когда мама принесла мошку и отдала её другому стрижонку, Скрип попытался отнять её. Тогда мама-стрижиха так долбанула Скрипа клювом по голове, что у него пропала всякая охота отбирать еду у других.

Понял стрижонок, какая у них серьёзная и строгая мама. Её не разжалобишь писком.

Так начал жизнь в норке стрижонок Скрип вместе с братьями и сёстрами.

Таких норок в глиняном берегу над рекой было очень много. В каждой норке жили стрижата, а точнее, ласточки-береговушки. И были у них папы и мамы. А вот у стрижонка Скрипа папы не было. Его сшибли из рогатки мальчишки. Он упал в воду, и его унесло куда-то. Конечно, стрижата не знали об этом.

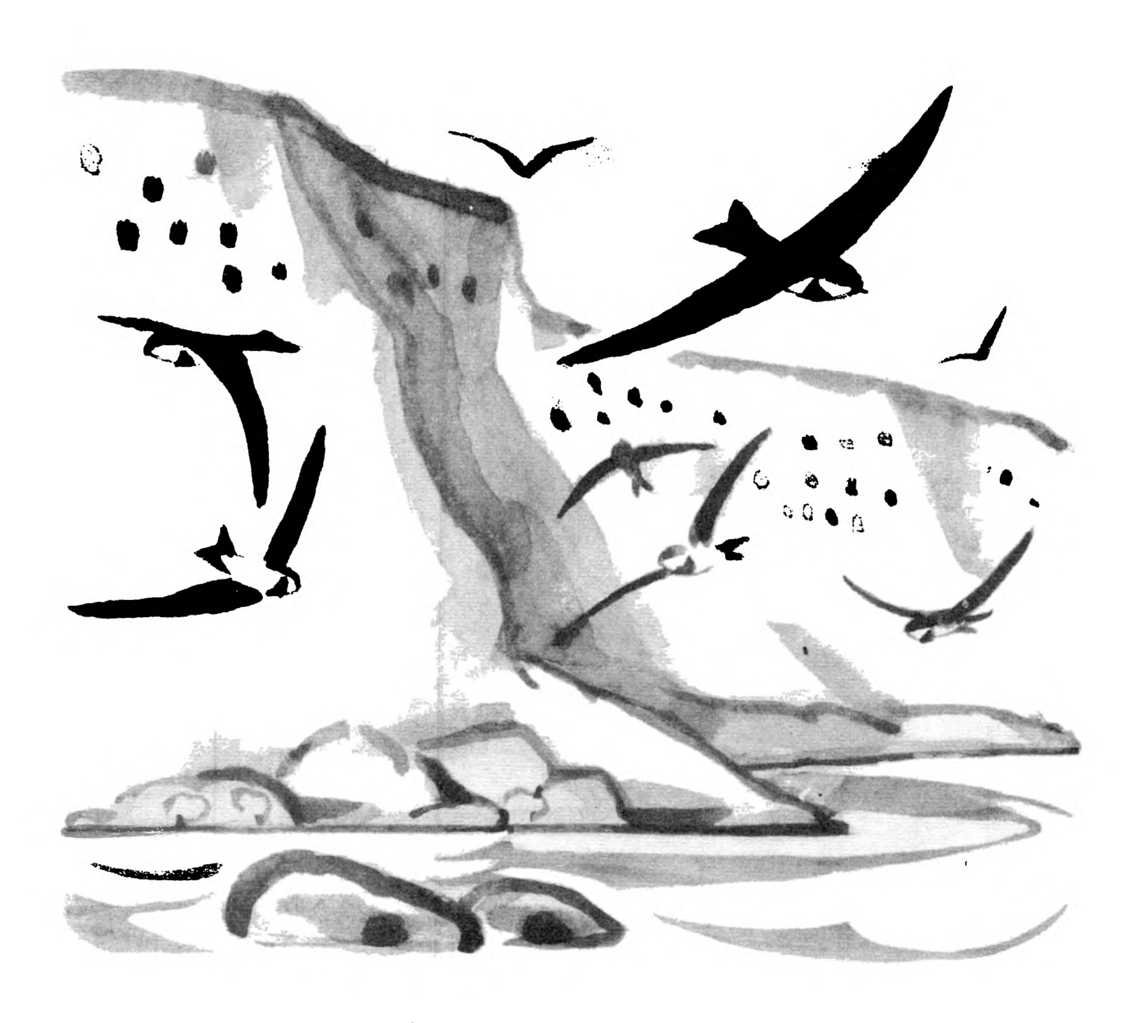
Маме-стрижихе было очень тяжело одной прокормить детей. Но она была хорошая мать. С рассвета и до вечера носилась она над берегом и водой, схватывала на лету мошек, комариков, дождевые капли. Приносила их детям. А мальчишки, сидевшие с удочками на берегу, думали, что стрижиха и все стрижи играют над рекой.

Стрижонок Скрип подрос. У него появились перья, и ему всё время хотелось есть. Иногда ему удавалось отобрать у братца или сестрёнки мошку, и тогда они жалобно и недовольно пищали. За это Скрипу попадало от мамы-стрижихи. Но ему так хотелось есть, так хотелось есть!

А ещё ему хотелось выглянуть из норки и посмотреть, что же оно там такое, дальше этого пятнышка света, откуда мама-стрижиха приносит еду и ветреные запахи на крыльях.

Пополз стрижонок Скрип. И чем дальше

он полз, перебирая слабыми лапками, тем больше и ярче делался свет.

Боязно!

Но Скрип был храбрый стрижонок, он полз и полз.

Наверное, он выпал бы из норки и разбился, как разбиваются такие вот неразумные птенцы. Но тут появилась мама-стрижиха, схватила его, уволокла в глубь норки — и раз-раз его клювом по голове! Сказала сердито: «Скрип-скрип!» — и ещё по голове...

Очень рассердилась мама-стрижиха, очень

сильно била Скрипа. Должно быть, там, за норкой, опасно, раз мама так волнуется. Конечно, откуда Скрипу было знать, сколько врагов у маленьких проворных стрижей!

Сидит на вершине берёзы страшный быстрый сокол и подстерегает их. Скоком-прыгом подходит к норкам клюватая ворона. Тихо ползёт меж камней чёрная гадюка.

Побольше подрос Скрип, догадываться стал об этом. Ему делалось жутко, когда там, за норкой, раздавалось пронзительное «тиу!». Тогда мама-стрижиха бросала всё, даже мошку или каплю воды, и, тоже крикнув грозное «тиу!», мчалась из норки.

И все стрижи с криком «тиу!» высыпáли из норок и набрасывались на врага. Пусть этот враг хоть сокол, хоть коршун, хоть кто, пусть он хоть в сто раз больше стрижей, они всё равно не боялись его. Дружно налетали стрижи, все как один. Коршун и ворона скорей-скорей убирались в лес, а гадюка пряталась под камень и со страху шипела.

Однажды мама-стрижиха вылетела на битву с врагом — разбойником соколом.

Сокол был не только быстрым, но и хитрым. Он сделал вид, что отступает. Вожак стрижей Белое брюшко дал отбой, крикнув победоносное «тиу!». Но мама-стрижиха ещё гналась за коршуном, чтобы уж навсегда отвадить его летать к стрижиным норкам.

Тут сокол круто развернулся, ударил маму-стрижиху и унёс в когтях. Только щепотка

перьев кружилась в воздухе. Перья упали в воду, и их унесло...

Долго ждал стрижонок Скрип маму. Он звал её. И братцы и сестрёнки тоже звали. Мама не появлялась, не приносила еду.

Потускнело пятнышко света. Настала ночь. Утихло всё на реке. Утихли стрижи и стрижата, пригретые папами и мамами. И только Скрип был с братьями и сестрёнками без мамы.

Сбились в кучу стрижата. Холодно без мамы, голодно. Видно, пропадать придётся.

Но Скрип ещё не знал, какой дружный народ стрижи! Ночью к ним нырнул вожак Белое брюшко, пощекотал птенцов клювом, обнял их крыльями, и они пригрелись, уснули. А когда рассвело, в норку к Скрипу наведалась соседка-стрижиха и принесла большого комара. Потом залетали ещё стрижи и стрижихи и приносили еду и капли воды. А на ночь к осиротевшим стрижатам снова прилетел вожак Белое брюшко.

Выросли стрижата. Не пропали. Пришла пора покидать им родную норку, как говорят, становиться на крыло — самим добывать себе пищу и строить свой дом.

Это было радостно и жутко!

Скрип помнит, как появился в норке вожак Белое брюшко. Вместо того чтобы дать Скрипу мошку или капельку, он ухватил его за шиворот и поволок из норки. Скрип упирался, пищал. Белое брюшко не обращал внимания на писк Скрипа, подтащил его к устью норки и вытолкнул наружу.

Ну что было делать Скрипу? Не падать же! Он растопырил крылья и... полетел! И тут на него набросились все стрижи, старые и молодые. Все-все! И погнали его от норки навстречу ветру, ослепительному солнцу.

— Скрип! Скрип! — испуганно закричал стрижонок, захлебнувшись ветром, и увидел под собою воду. — Скрип! Скрип!

«А если упаду?» — с ужасом подумал он.

Но стрижи не давали ему упасть. Они гоняли его кругами над водой, над берегом, над лесом.

Потом крики стрижей остались позади. Свист крыльев и гомон птичий угасли. И тут стрижонок Скрип с удивлением увидел, что он уже сам, один, летает над рекой! И от этого сделалось так радостно, что он взмыл высоко-высоко и крикнул оттуда солнцу, реке, всему миру: «Скрип!» — и закружился, закружился над рекой, над лесом. Даже в облако один раз залетел. Но там ему не понравилось — темновато и одиноко. Он спикировал вниз и заскользил над водою, чуть не касаясь её брюшком.

А потом Скрип и сам стал помогать стрижам — вытаскивал из норок стрижат и тоже гнал их над рекой вместе со всеми стрижами и кричал:

— Скрип! Скрип! Держи его! Догоняй!..

И ему было весело смотреть, как метались и заполошно кричали молоденькие стрижата, обретая полёт, вечный полёт.

Скрип много съел в этот день мошек, много выпил воды. Ел и пил он жадно, потому что стрижи всегда в движении, всегда в полёте, и оттого надо им всё время есть, всё время пить. Но день кончился. Он ещё раз плюхнулся белым брюшком на воду, схватил капельку воды, отряхнулся и поспешил к своей норке. Но найти её не смог. Ведь сна-

ружи он никогда не видел свою норку, а сейчас все норки казались ему одинаковыми. Норок много, разве их различишь?

Скрип сунулся в одну норку — не пускают, в другую — не пускают. Все стрижиные дома заняты. Что же делать? Не ночевать же на берегу! На берегу страшно.

И Скрип начал делать свою норку. Выскребал глину остренькими когтями, выклёвывал её и уносил к воде, снова возвращался к яру и опять клевал, скрёб, а в землю подался чуть-чуть.

Устал Скрип, есть захотел и решил, что такой норки ему вполне хватит. Он немного покормился над рекой и завалился спать в свою совсем ещё не глубокую норку.

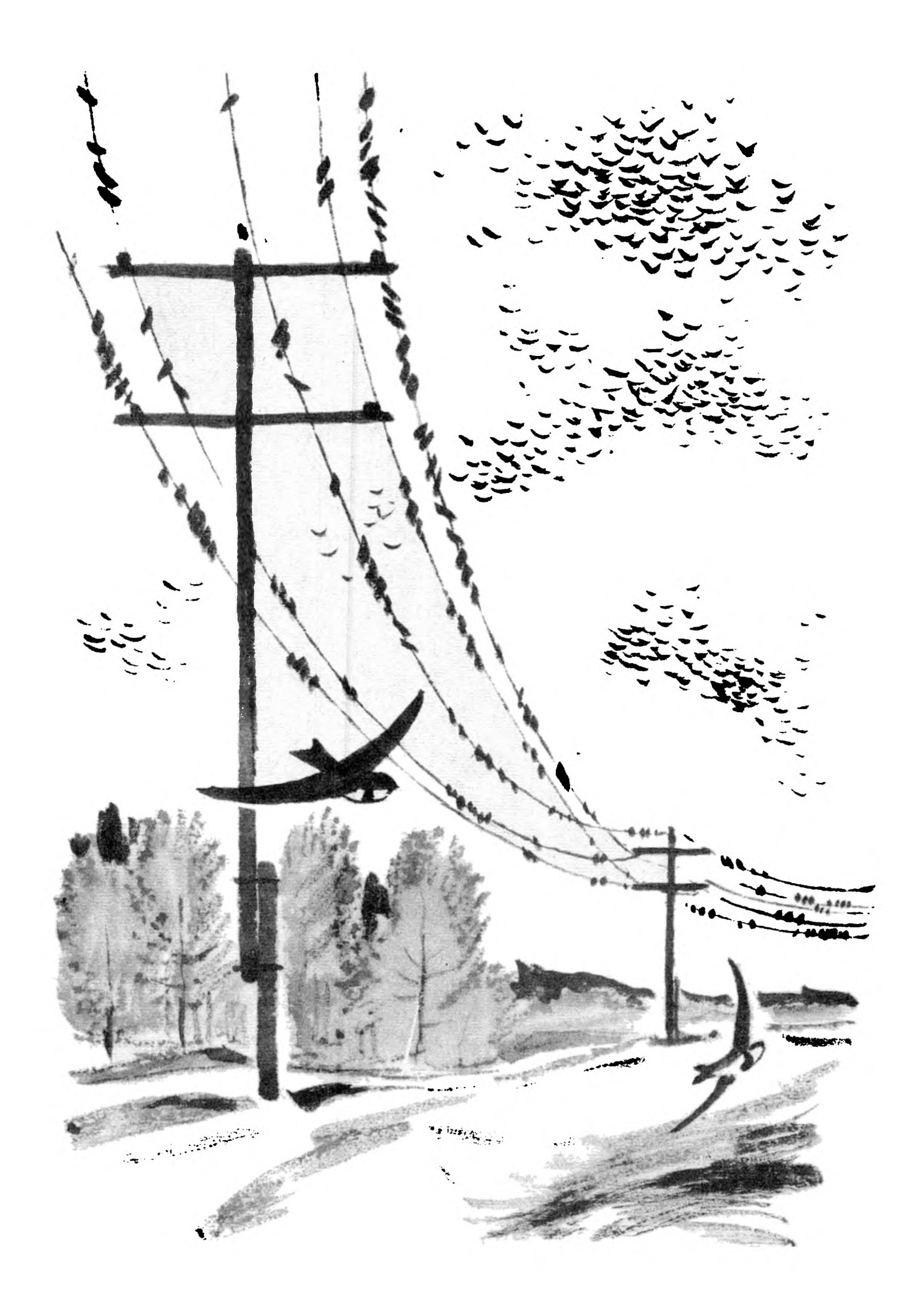
Неподалёку рыбачили мальчишки. Они пришли к стрижиному яру. Один мальчишка засунул руку в норку и вынул Скрипа. Что только не пережил Скрип, пока его держали в руках и поглаживали, как ему казалось, громадными пальцами!

Но ничего попались ребятишки, хорошие, выпустили Скрипа. Он полетел над рекой и со страху крикнул:

— Тиу!

Все стрижи высыпали из норок, глядят — никого нет. Ребятишки уже ушли, сокол не летает. Чуть было не побили стрижи Скрипа, но пожалели — молодой ещё.

Тут понял Скрип, что в маленькой норке не житьё, и принялся снова работать. Он

так много раз подлетал к своей норке, чтобы унести глину, так пробивался в глубь яра, что норку эту отличал уже ото всех.

Как-то опять пришли мальчишки, засунули руку, чтобы вытащить Скрипа, а достать не могут. Скрип вертел головою и, должно быть, насмешливо думал: «Шалишь, братцы мальчишки! И вообще совесть надо иметь!»

Хорошо, спокойно жилось в своей норке. Теперь Скрип наедался и напивался досыта, он стал стремительным, сильным. Но вот отчего-то сделались беспокойными стрижи. Они почти не находились в норках, а всё летали, кружились, лепились на проводах и часами сидели молча, прижавшись один к одному. А потом с визгом рассыпались в разные стороны, присаживались к осенним лужам, заботливо клевали глину и снова сбивались в стаи, и снова тревожно кружились. Эта тревога передалась и Скрипу. Он стал ждать, сам не зная чего, и в конце августа, на рассвете, вдруг услышал призывный голос вожака Белое брюшко.

— Тиу! — крикнул вожак.

В голосе его на этот раз не было угрозы. Он звал в отлёт.

Взмыл Скрип и видит: всё небо клубится. Тучи стрижей летят к горизонту.

— Тиу! — звал вожак.

И стайка Скрипа помчалась вдаль, смешалась с другими стаями. Стрижей было

так много, что они почти заслонили собой разгорающуюся в небе зарю.

— Скрип! Скрип! — тревожно и тоскливо кричали стрижи, прощаясь до следующего лета с родным краем.

— Скрип! До свидания! — крикнул и стрижонок Скрип и помчался за леса, за горы, за край земли.

— До свидания, Скрип! До свидания! Прилетай в свою норку! — кричали вслед Скрипу мальчишки-рыбаки.

Стрижи улетают в одну ночь и уносят с собою лето. Прилетают они в одну ночь и приносят с собою лето.

Скучно без стрижей на реке. Чего-то не хватает.

Где ты, маленький Скрип? В каких краях и странах? Возвращайся скорее! Приноси нам на крыльях лето!

КОПАЛУХА

Мы приближались к альпийским уральским лугам, куда гнали колхозный скот на летнюю пастьбу.

Тайга поредела. Леса были сплошь хвойные, покоробленные ветрами и северной стужей. Лишь кое-где среди редколапых елей, пихт и лиственниц пошевеливали робкой листвой берёзки и осинки да меж деревьев развёртывал свитые улитками ветви папоротник.

Стадо телят и бычков тянулось на старую, заваленную деревьями просеку. Бычки и те-

лята, да и мы тоже, шли медленно и устало. с трудом перебирались через сучкастый валежник.

В одном месте на просеку выдался небольшой бугорочек, сплошь затянутый бледнолистым, доцветающим черничником. Зелёные пупырышки будущих черничных ягод выпустили чуть заметные серые былиночки-лепестки, и они как-то незаметно осыпались. Потом ягодка начнёт увеличиваться, багроветь, затем синеть и, наконец, сделается чёрной с седоватым налётом.

Вкусна ягода черника, когда созреет, но цветёт она скромно, пожалуй, скромнее всех других ягодников.

У черничного бугорка поднялся шум. Побежали телята, задрав хвосты, закричали ребятишки, которые гнали скот вместе с нами.

Я поспешил к бугорку и увидел, как по нему с распущенными крыльями бегает кругами глухарка (охотники чаще называют её копалухой).

— Гнездо! Гнездо! — кричали ребята.

Я стал озираться по сторонам, ощупывать глазами черничный бугор, но никакого гнезда не видел.

— Да вот же, вот! — показали ребятишки на зелёную корягу, возле которой я стоял.

Я глянул, и сердце моё забилось от испуга — чуть было не наступил на гнездо. Нет, оно не на бугорке было свито, а посреди просеки, под упруго выдавшимся из земли

корнем. Обросшая мхом со всех сторон и сверху тоже, затянутая седыми космами, эта неприметная хатка была приоткрыта в сторону черничного бугорка. В хатке утеплённое мхом гнездо. В гнезде четыре рябоватых светло-коричневых яйца. Яйца чуть поменьше куриных. Я потрогал одно яйцо пальцем — оно было тёплое, почти горячее.

— Возьмём! — выдохнул мальчишка, стоявший рядом со мною.

— Зачем?

— Да так!

— А что будет с копалухой? Вы поглядите на неё!

Копалуха металась в стороне. Крылья у неё всё ещё разброшены, и она мела ими землю. На гнезде она сидела с распущенными крыльями, прикрывала своих будущих детей, сохраняла для них тепло. Потому и закостенели от неподвижности крылья птицы. Она пыталась и не могла взлететь. Наконец взлетела на ветку ели, села над нашими головами. И мы увидели, что живот у неё голый, вплоть до шейки, и на голой, пупыристой груди часто-часто трепещет кожа. Это от испуга, гнева и бесстрашия билось птичье сердце.

— А пух-то она выщипала сама и яйца греет голым животом, чтобы каждую каплю своего тепла отдать зарождающимся птицам, — сказал подошедший учитель.

— Это как наша мама. Она всё нам отдаёт. Всё, каждую капельку... — грустно,

по-взрослому сказал кто-то из ребят и, должно быть застеснявшись этих нежных слов, произнесённых впервые в жизни, недовольно крикнул: — А ну пошли стадо догонять!

И все весело побежали от копалухиного гнезда. Копалуха сидела на сучке, вытянув вслед нам шею. Но глаза её уже не следили за нами. Они целились на гнездо, и, как только мы немного отошли, она плавно слетела с дерева, заползла в гнездо, распустила крылья и замерла.

Глаза её начали затягиваться дрёмной плёнкой. Но вся она была настороже, вся напружена. Сердце копалухи билось сильными толчками, наполняя теплом и жизнью четыре крупных яйца, из которых через неделю-две, а может, и через несколько дней появятся головастые глухарята.

ЩУРОК-ШВЫРОК

После недолгой, но широкой ростепели, съевшей снег по берегам, подплавившей лёд на озере Кубенском, похолодало; чистое и заголубевшее небо снова облохматилось, приспустилось над лесом и потекло, сея белую шуршащую крупу. Опять наступил ледозвон, закраинки озера засыпало крупою, припорошило снежком.

И всё-таки весна не загасла совсем, угадать и увидеть её ещё можно было. Лёд на озере в пятнах, снег, забивший щели, выбоины и следы человечьи, светил неослепно;

хоть и слабенько, едва ощутимо, всё же пахло берёзовыми почками, на припёке взявшимися клейковиной.

А главное — живность пришла в движение и не соглашалась с зазимком.

На рассвете урчали возле берега, прыгали, разминаясь перед главными схватками, косачи; пробовал жаворонок потрясти колокольчик в высоте, да без солнца ему было неуютно в небе, он пел тише, реже и, не выдержав одиночества, стреканул к берегу, в тёплые елушники; вороны слетались к рыбачьим лункам — собирать ершей и, ловко их разворачивая — головой на ход, заглатывали. От мёрзлых колючек, царапающих горло, у ворон подрагивали хвосты. Проглотив ерша, вороны крякали, прислушивались к себе, мысленно провожая ерша во чрев — не зацепится ли где, бродяга...

Весёлого нрава собачонка Гайка, ничья собачонка, тоже промышляющая ершей на льду, азартно гоняла ворон от лунок, но скоро утомилась, пошла от рыбаков рысцой. Сперва Гайка оглядывалась, виновато повиливала хвостом, совалась носом в старые заячьи следы, как бы распутывая их и охотясь, но потом отбросила всякий стыд и предательски хватила во весь дух к деревушке, дымящей за прибрежным леском.

Лиса выходила из кустов, нюхала воздух, задумала уж было на лёд спуститься, но тут же повернула и, не оставляя следа,

легко потрусила по шелушащемуся насту в лес, откуда фыркнул рябчик и, ровно выстреленный, панически вереща, пролетел пулей над ложком, вонзился в низкие ольховники, дымчато струящиеся рыхлой серёжкой. Лиса, задрав морду, поглядела рябчику вслед и облизнулась.

Рыба клевала редко и вяло. Самое время наблюдать было природу и радоваться её весеннему натиску, вроде бы как иссякшему. Однако природа исподволь набиралась новых сил, а шаг её на месте был краткой отсрочкой перед броском и штурмом — рухнут тогда зимние тверди; каждая земная щёлочка и бочажинка наполнятся снеговицей, она перельётся через край, и ударят из логов ручьи, покатятся к озеру, с пеной, звоном и говором на губах. Лёд на озере выгнется шершаво горбинкой, чайки явятся, начнут биться с воронами из-за ершей, жаворонки, чибисы, кулички, а потом утки, лебеди и гуси навестят нас. Шумно будет, радостно, рыба станет ходить стайно, брать жадно, рвать лески, уносить крючки и блёсны...

А пока вся мне радость — глядеть на щурков. Есть такая птичка, вроде бы и невеличка, поменьше скворца, побольше снегиря, очень работящая, добрая, бесстрашная птичка.

В середине марта, как только проснутся в наших лесах всякие мелкие паразиты: клещи, лесные блохи, стрекачи, тля разная пойдёт на свет, — щурки уж тут как тут.

Слетела с лесов, начала тучами опадать на лёд чёрная мушка с двумя коротенькими слюдяными крылышками. В лужах и в лунках её кружит, под лёд её затягивает рыбам на радость, а она всё темней и темней наседает на всё живое.

Но вон на солнышке сверкнула пригоршня искр, рассыпалась, зарябила и вдруг погасла — это щурки табуном летели и на лёд упали, кругленькие, деловитые. От темна и до темна они работают: склёвывают тлю. На головку щурка тёмная ермолашка надета, зоб и грудь красным вымазаны, по туловищу полоски, как оглобельки, лапки багровенькие. быстрые, подгузок и подкрылок беленькие — оттого и сверкает щурок на солнышке, а у самочек в хвосте пёрышки рябы, на спинке пепельно и дымчато.

Красивые птички!..

Зазимок щурку, как и человеку, радости не приносит. Тлю и мошку всякую снегом заметает. Вот и мечутся щурки по озеру в поисках корма, чирикают озабоченно, бегают по льду быстро и неслышно.

Кто-то из рыбаков оставил на льду полбуханки чёрствого хлеба. Два дня щурки долбили этот хлеб, соблюдая очерёдность, и выбрали нутро буханки.

Я сижу неподалёку от щурков, помахиваю удочкой с блесною. Щуркам я внушаю страх. Прежде чем залезть в буханку, они топчутся подле, ищут крошки на снегу и вдруг, с

отчаянием пискнув, бросаются внутрь буханки, которая кажется им, наверное, огромной мрачной пещерою, а тут ещё маячит сзади человек в лохматой шапке, в шубе и с палкою в руках! Страсти-то какие, а есть охота!..

Заскочит щурок, ткнёт раз-другой клювом — и скорее наружу, а вместо него уж другой харчиться спешит. Которые щурки слабее духом, сверху на буханку садятся, пытаются по мёрзлой корке долбить, да не берёт корку птичий клюв.

Сотен до двух щурков собиралось возле буханки, и в конце концов они осмелели до того, что на меня перестали обращать внимание. Они лезли в буханку, шевелили

её, ссорились, и до того у них дело дошло, что птички вместе с буханкой опрокидываться начали. Опрокинувшись, щурки с криком выкатывались наружу и заполошно разлетались по сторонам.

Я поднялся от лунки и разломал хлеб на кусочки. То-то радостная работа тут поднялась, то-то хлопот было и веселья!

Я и рыбачить забыл, сижу глазею.

Слышу шаги. Рыбак идёт по озеру Кубенскому, лыжами шаркает. Подошёл, на пешню грудью опёрся — лицо красное, обветренное, глаза похмельные. На Кубенском озере есть этакая разновидность рыбаков — больше бродят и болтают, чем рыбачат. Нос у рыбака короткий, будто у щурка. Стоит

смотрит на птичек, как они питаются, сил набираются.

— Ишь жрут как! Им ещё далеко лететь, — сказал рыбак, зевая, — нашей местности птица. Я с Печоры родом, — пояснил он, — мы этих птичек силками имам и едим, жирны потому што...

«Имам и едим»! — передразнил я краснорожего рыбака. — Тебя бы самого имать да есть, небось не поглянулось бы!..»

Доклевали щурки буханку, а не улетают, всё бегают по снегу, крошки ищут. И тогда я достал из рыбацкого ящика свой хлеб, искрошил его на лёд, но искрошил к себе поближе.

Переживаний-то у щурков сколько было! Бегают, кружат возле меня и лунки, иной щурок изловчится и отлетевшую крошку схватит да и бежать, а остальные птички нервничают, на меня поглядывают: «Что, мол, ты, дядя, задумал? Подманиваешь, да? «Имать» нас будешь, а?..»

Я старался «не замечать», как щурки орудуют возле лунки, и они меня тоже замечать перестали. Один настолько осмелел, что по валенку меня тюкнул — чешуинка от рыбы к нему пристала, а он думал — крошечка. Я тихонько засмеялся, щурок в сторону отпрыгнул, голову вбок повернул, глядит умным глазком и шейкой тревожно подёргивает: «Ох, ох, дядя, хороший ты, видать, человек, а всё же боюся я тебя...»

Назавтра зазимок кончился, солнце объявилось, снег обмяк — поплыл под ногами, лёд чешуиться начал; над озером жаворонок запел, тля опять тучами на лёд посыпалась — и забыли про меня щурки, летают, бегают, весело кормятся перед дальней дорогой.

Один только раз прилетела ко мне стайка щурков, крошек маленько поклевала, но тут же снялась, сверкнула на солнце искорками. Толстенький щурок, молодой ещё, беззаботный, бегал возле моих ног, за ящиком копошился, чирикая: видишь вот, возле тебя, мол, бегаю и не боюся.

Но вдруг глянул молодец, а стайки-то родной и нету! Забил он крыльями, запищал: куда же вы, братцы? Как же я без вас-то?

Я проводил взглядом нарядную птичку, в полёте стремительную, в жизни — хлопотунью, и как-то сама собою возникла во мне песенка:

Ты, щурок-швырок,
Изукрашенный лобок!
Изукрашенный лобок,
Распуховенький бок!
Прилетай, щурок-швырок,
К нам на бел бережок,
На том бел бережку
Расклюй забережку...

СОДЕРЖАНИЕ

СТРИЖОНОК СКРИП 3
КОПАЛУХА 18
ЩУРОК-ШВЫРОК 23

Для начальной школы

Виктор Петрович Астафьев

СТРИЖОНОК СКРИП

Рассказы

Ответственный редактор
Л. И. Доукша.
Художественный редактор
Н. З. Левинская.
Технический редактор
О. В. Кудрявцева.
Корректор
Г. Ю. Гнётова.

Сдано в набор 15/IV 1974 г. Подписано к печати 30/IX 1974 г. Формат 70×100/16. Бум. типогр. № 2. Печ. л. 2. Усл. печ. л. 2,6. Уч.-изд. л. 2,04. Тираж 1 500 000 экз. Заказ № 32. Цена 10 коп.
Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М., Черкасский пер., 1.
Калининский полиграфкомбинат детской литературы имени 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата СМ РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Астафьев В. П.

А91 Стрижонок Скрип. Рассказы. Рис. В. Симонова М., «Дет. лит.», 1974.

32 с. с ил. («Читаем сами». «Школьная б-ка»).
Рассказы о птицах: скворце, глухаре и щурке.

Р2

Серия «ЧИТАЕМ САМИ»

ДОРОГИЕ ПЕРВОКЛАССНИКИ!

Издательство «Детская литература» выпускает для вас серию книг «ЧИТАЕМ САМИ».
В 1974 году вышли и выходят книги:

ГДЕ ЕЖИК!
Рассказы о животных

ДЕВОЧКА И РАЗБОЙНИКИ.
Сказки

ЛЕСНЫЕ ХОРОМЫ.
Рассказы, сказки, стихи, загадки

ПРИ СОЛНЫШКЕ — ТЕПЛО,
ПРИ МАТЕРИ — ДОБРО.
Русские пословицы и поговорки

С ДОБРЫМ УТРОМ!
Стихи русских поэтов

Толстой Л.
РАССКАЗЫ О ДЕТЯХ.

Ушинский К.
РАССКАЗЫ И СКАЗКИ.

• • • • •

Александрова З.
ПЯТЕРО ИЗ ОДНОЙ ЗВЕЗДОЧКИ.
Стихи об октябрятах

Бианки В.
ПЛАВУНЧИК.
Рассказы о природе

Верейская Е.
ТАНЯ-РЕВОЛЮЦИОНЕРКА.
Рассказ

Заходер Б.
РУСАЧОК.
Сказки

Ильина Е.
ШУМ И ШУМОК.
Сказки о школьниках

Михалков С.
ВЕСЁЛЫЙ ТУРИСТ.
Стихи.

Обращайтесь за этими книгами в свои школьные и районные библиотеки.